

18+

Мёртвые люди
— уже не люди

Лина Ди

Лина Ди

Мёртвые люди – уже не люди

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69710275
ISBN 9785006036031*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В Моргевилле происходит череда убийств беременных женщин, которым вырезают сердца. На месте преступления оставляют одинаковые записки, розы и другие знаки. Со временем почерк преступлений меняется, и следствие подозревает в убийствах уже не одного, а нескольких маньяков. Что именно ими движет и почему они считают своих жертв мёртвыми до совершения преступления? Кто они, эти жертвы? И кто они, эти убийцы, и как они связаны между собой?

Содержание

Оглавление	5
ГЛАВА 1. ОСВОБОЖДЕНИЕ	7
20 лет спустя	9
ГЛАВА 2. ЗАСЕКРЕЧЕННЫЙ ЗАВОД	12
ГЛАВА 3. НЕСПОСОБНЫЕ ЛЮБИТЬ	34
ГЛАВА 4. НАДЛОМ	49
ГЛАВА 5. ВЕЧЕР ХЭЛЛОУИНА	58
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Мёртвые люди – уже не люди

Лина Ди

© Лина Ди, 2023

ISBN 978-5-0060-3603-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мёртвые люди – уже не люди

«1, 2, 3, 4, 5... мёртвым ведь нельзя рожать»

Название – «Мёртвые люди – уже не люди».

Автор – Лина Ди.

Редактор – Людмила Терменёва.

Оглавление

Глава 1. Освобождение

Глава 2. Секретный завод

Глава 3. Неспособные любить

Глава 4. Надлом

Глава 5. Вечер Хэллоуина

Глава 6. Почему?

Глава 7. Месяц падающих листьев

Глава 8. Новый игрок

Глава 9. Отъезд

Глава 10. Большая удача

Глава 11. Красная роза

Глава 12. Серые глаза

Глава 13. Метаморфоза

Глава 14. Что дальше?

Глава 15. Мёртвый человек – уже не человек

Глава 16. Бирюзовая витрина с золотыми буквами

Глава 17. Всё начинается с ниточки

Глава 18. Там, где нет любви, там нет Бога

Место действия:

Основные действия происходят в конце 70-х – начале 80-х в вымышленных городах Моргевилль, Блюбервилль и Эгг в Западной Европе.

Краткий синопсис:

В Моргевилле происходит череда убийств беременных женщин, которым вырезают сердца. На месте преступления оставляют одинаковые записки, розы и другие знаки. Со временем почерк преступлений меняется, и следствие подозревает в убийствах уже не одного, а нескольких маньяков. Что именно ими движет и почему они считают своих жертв мёртвыми до совершения преступления? Кто они, эти жертвы? И кто они, эти убийцы, и как они связаны между собой?

ГЛАВА 1. ОСВОБОЖДЕНИЕ

За стеной слышалась громкая брань и раздражающий звон посуды, с силой ударяющейся о столешницу. Маленькая девочка разобрала обрывки фраз: кто-то послушался приказа матери не разговаривать с соседскими мусульманскими сёстрами, да и вообще ни с кем другим, иначе она отрежет язык и снова запрет в чулане. Спокойно войдя на кухню, она увидела, как мать плеснула в лицо старшему брату водой из большой горячей кружки, которой постукивала мгновение назад. Мальчик покраснел и заплакал. Но девочка даже не попыталась защитить его. Она лишь строго посмотрела на мать, взяла то, за чем пришла, и вышла, а разгневанный брат со стекающей с волос водой пустился в рыдания. Вода была достаточно горячая, чтобы почувствовать боль (как физическую, так и моральную) от ненавистного крика матери.

– Грязный мальчик с грязным сердцем, ты никогда не станешь послушным! – мать схватила сына за руку, отрывая её от лица, и вывернула таким образом, что мальчишка присел перед ней на колени, как перед иконой, продолжая плакать и извиваться, потому что его детские хрупкие запястья выкручивались с дикой силой.

Мальчик не поднимал глаз. Он знал, что мать всё равно не оставит его в покое, пока не выпустит пар до конца, и продолжал плакать, ещё больше радуя диким плачем разгневанную женщину. Отец был, как обычно, дома. Мальчик мысленно благодарил судьбу, что хотя бы на этот раз отец не навис над ним вместе с матерью, обзывая его ничтожеством. И зачем ему только понадобилось разговаривать с другими детьми? Быть может, потому, что его сестра и брат были сами по себе и его не замечали?

20 лет спустя

В ресторан «Злая медуза» зашла девушка с голубыми, коротко стриженными волосами, что отливали серебряным блеском, и пробежалась глазами по синей неоновой надписи, заточённой в красную мерцающую окантовку. Лёгкий румянец от мороза, проступивший через макияж, сделал её еще более женственной и нежной. Но румянец мгновенно растаял при передвижении по холлу.

– Здравствуй, ты выбрал немного странное место, учитывая предмет нашей беседы.

– Ты опоздала, – мужчина встретил её приветственным жестом довольно сухо – лишь подняв указательный палец вверх.

– Срочные дела, – ответила она, оправдываясь, и хитро улыбнулась.

Яркая девушка качнулась, присаживаясь. Её длинные серьги с роскошными бриллиантами, сбивающие с толку великолепием, заструились, как сверкающий водопад. Улыбка этой девушки смогла бы разморозить даже сильно замороженные продукты, но их не было на столике.

Мужчина, встретивший девушку, выглядел на несколько лет старше своей спутницы, и официантка, вглядываясь в их лица, позже вспомнит, что заметила между ними нечто неуловимо общее, помимо тайны, о которой они шеп-

тались вполголоса. Быть может, схожие утончённые черты лиц? Впрочем, загорелый мужчина, сияющий в холодном освещении неоновых ламп, прятал лицо под тёмными очками и шляпой, и случайное предположение официантки было слишком неуверенным, как и беглый румянец пришедшей девушки.

Мужчина непринуждённо наполнил охлаждённым розовым шампанским, стоящим в ведёрке со льдом, сначала бокал красотки (при этом он слегка наклонился и обнюхал её невзначай, да так аккуратно, что та и не заметила), а затем – свой. Поднимая бокал, мужчина аристократически придерживал его за ножку тремя пальцами, но девушка не обратила на это внимание, точно видела множество раз или просто не заметила.

– За новый мир?

– За новый мир, каким бы он ни был!

– Да, прежним он точно больше не будет.

– За свободу?

– За освобождение! Во имя будущего человечества!

Оба слегка помедлили, представляя какой-то иной, более идеальный мир, и девушка, сменив выражение лица с беззаботного на притворно-тревожное, продолжила:

– ...Помнишь, тусклый серо-зелёный свет, просачивающийся через мутное раскалённое стекло, дрожащие паутины, как капканы, расставленные по краям окна, и зале-

тевшую в них бабочку, что так часто хлопала крыльями, уже ощущая подступающий удушливый жар? Она задышалась... — девушка расставила в воздухе согнутые пальцы в белых тонких перчатках, театрально изображая паутину, и покрутила бокалом, соблазнительно и бесстрашно озираясь вокруг (шампанское раскачивалось, как кусок оторванного моря на закате). — То окно — это ведь всё, что у нас с тобой было, но тогда мы этого не понимали. Особенно я, — добавила она, помедлив.

— Помню.

— Не забывай! И «о нём» не забывай. О том, кто не спасся...

Мужчина поправил шляпу, слегка съехавшую с блестящих зализанных волос, скрывающих старые ожоги, и вновь наполнил девушке бокал. Он-то точно помнил, о ком забывать не должен. Девушка, сидящая напротив, выглядела очень броско, и её искусственный оттенок волос завораживал. Большинство присутствующих в ресторане никогда не видели волосы такого цвета. Он приковывал внимание, как и очаровательная улыбка загадочной незнакомки.

ГЛАВА 2.

ЗАСЕКРЕЧЕННЫЙ ЗАВОД

«1, 2, 3, 4, 5... мёртвым ведь нельзя рожать».

Телефонный звонок.

– Жертва – женщина Ноа, 27 лет, белая. Найдена у себя в квартире.

– Как это выглядит?

– Если бы ты не проводил в морге и лабораториях так много времени, то увидел бы сам, ты ведь всё-таки детектив.

Молчание.

– Хотя рассматривать это никому бы не понравилось. Спальня вся в крови.

На заднем плане со звуком мелькнула яркая вспышка фотоаппарата.

– Тук-тук.

– Кто там?

– Никого...

– Ох, это мы уже однажды проходили.

Фиолетовый дым рассеялся, и Моро наконец увидел человека с густой бородой, облачённого в причудливую форму. На нём был длинный кожаный фартук. Грубая текстура кожи напоминала крокодиловую. Голова, предплечья и локти защищали шлем и щитки. Грубые тяжёлые ботинки точно приклеились к полу. А из рук бородача торчали плавающие в разные стороны пружины. От одной из чудовищно гигантских машин навстречу мужчинам пористой волной снова выплыл яркий дым. Раздался душераздирающий скрип, вслед за которым последовала монотонная технологическая долбёжка, и часть помещения взорвалась выскакивающими, точно из пасти дракона, огненными искрами. Кто-то прокатил между инженерами тележку с агрегатом.

– Здесь нельзя находиться посторонним, – басом сообщил бородач по имени Гарри Ибер, максимально закрывая вплотную могучим телом окружающее пространство. – Как вас пропустили?

Фингел Моро оглянулся на бетонную дверь, через которую попал на закрытую территорию. На ней крупными алыми буквами для таких сумасшедших, как он, было написано с двух сторон: «Посторонним вход воспрещён». Да и название засекреченного объекта не красовалось на стенах в виде привычной таблички. Хотя, оказывается, самые невообразимые эксперименты и инженерные разработки проводились именно под этой крышей, в здании, похожем снаружи

на такие же другие в Моргевилле, в специально отведённом бункере-подземке, как Моро узнал позже.

Пребывание мужчины в больших очках на секретной территории завода по производству роботов и других экспериментальных разработок оправдывало расследование, которое он вёл вместе с напарником. Но напарник до сих пор находился в море. А бюро открывало им допуск ко всем местам и объектам, даже к таким секретным заводам. И Моро наконец представился.

Разогнав свободной рукой с непривычки подтаявшее, как мороженое, сине-фиолетовое облачко дыма, ставшее розоватым, полицейский-детектив Фингел Моро показал свой значок и вытащил из портфеля папку, а из неё – несколько ужасающих фотокарточек и протянул озадаченному Гарри, начиная чувствовать себя уже «важным посторонним».

– Мистер Моро... – медленно произнёс Гарри, снял шлем и оценил заинтригованный взгляд детектива, выстреливающий через очки. Затем сделал шаг в сторону. И, пока Гарри изучал снимки, Моро осмотрелся.

Вокруг гигантских и маленьких машин и столов вдохновлённо сустились инженеры и разнорабочие. В этом помещении все они как один находились в фартуках и защите. За одной из таких машин сидел щупленький мужчина с сальными

длинными волосами в необычных очках с двойными стёклами. Верхние тёмные стёкла приподнимались вверх над круглыми прозрачными. Он импульсивно вскочил с места, отчаянно радуясь и размахивая руками в чёрных перчатках, зазывая коллег. Из машины вырвалось сверкающее излучение, и это означало, что некое колебание повлекло за собой долгожданный прогресс, прорыв или даже результат, и подбегające рабочие гордо хлопали его по спине, называя «профессором».

Сбоку от них разделяющая стена через несколько арок плавно перетекала в другие залы, где происходили другие манипуляции, и кто-то бегал из одного помещения в другое и обратно. А позади них, напротив входной двери, вдалеке, через окно, виднелись недвижимые, окутываемые синей вечерней плёнкой сгущающихся теней серые здания с вылетающими из них струйками дыма, загрязняющими город. В окнах домов уже зажигался свет, оживляя помещения волшебным образом и наполняя ароматом ночной жизни. Но Фингел никуда не спешил. Правда являлась для него Святым Граалем, и он внимательно рассматривал всех присутствующих.

Все футуристические элементы антуража и стиля завода считались обыденностью для рабочих и инженеров, как и их спецодежда, но Моро виделось, что он окунулся в другое время, в прошлое или, наоборот, в будущее, а быть может, даже в параллельную реальность.

В главном морге Моргевиля лежало уже остывшее тело молодой женщины, работающей ещё совсем недавно на этом секретном предприятии, и мистер Моро заинтересованно разглядывал инженера Гарри, потому что узнавший её по фотокарточке скривился от ужаса, как, впрочем, и Моро, когда осматривал тело.

Внезапно погас свет, но тут же зажёгся. А значит, на долю секунды могло замкнуть и систему электроснабжения. Гарри осмотрелся вокруг себя: в главном зале никто не пострадал, и где-то в углу от станка полетели новые искры. Он вернулся к фотографии, а точнее – к изучению на ней изуродованного тела.

– Да-а-а-а. Это Ноа. Ноа Скотт. У неё ещё был заметно сколот передний зуб. Заметно... Она устроилась сюда где-то полгода назад. – Гарри закашлялся, отлепил тяжёлую подошву от пола и, сделав несколько шагов, положил уже мешающие ему сконцентрироваться дёргающиеся пружины на ближайший стол. – Такая молодая же... Работала исправно. Боже, ей вскрыли грудину и вырезали сердце?

Его бас перешёл на шёпот, и он прикрыл рот перчаткой.

Уже позже мистер Моро поймёт, что совершил ошибку, показав фотоснимки Гарри Иберу, от которого могла произойти утечка информации, но тогда он думал о другом.

Теперь и за стенкой, в сборочном цехе, послышался сильным шум. Но бородач Гарри уже ничего не слышал и, не обращая ни на что внимания, изучал снимок. Крепкий высокий мужчина выглядел абсолютно потерянным. Переминаясь тяжёлыми ботинками с ноги на ногу, он пробормотал растерянно:

– Вы думаете, это мог сделать кто-то из наших?

– Кто угодно. Но мы должны опросить некоторых сотрудников из отдела погибшей. Не распространяясь о подробностях, разумеется, если вы меня понимаете. Это возможно организовать?

– Конечно, мистер Моро. Спасибо, что предупредили, – Гарри почувствовал себя ещё более озадаченным, его взгляд потерянно блуждал. Может, Ноа была ему тайно симпатична?

То, что Моро увидел на заводе, ещё долго снилось ему. Здесь технологии опережали привычное время со стремительной скоростью. Огромные машины с мониторами, транзисторы, микросхемы, шлифовка деталей, сварка странных моделей и многое другое, во что бы он никогда бы не поверил, не увидев всё это собственными глазами, и, конечно, сами роботы, но он рассмотрел их совсем мельком. Там создавались специальные дорогие функциональные роботы, и их не штамповали, как детские игрушки, большими партиями. Только над одним здесь трудились несколько месяцев.

Опросив сотрудников по списку, в том числе и тех, кто

подроспел к ночной смене, Фингел записал показания в блокнот и покинул завод, так и не узнав о жертве практически ничего нового. Разве лишь, что Ноа была весьма нелюдима, хорошо выполняла монотонную работу и никогда не опаздывала. Женщины с пышными причёсками на голове, жующие жвачку, как коровы на пастбище, не рассказали ему абсолютно ничего интересного о Ноа.

Участок работы погибшей предполагал многочасовые повторяющиеся движения, из-за которых некоторые впадали в уныние. Но не она. По мнению коллег, такая работа очень подходила тихому темпераменту Ноа. Эдакая серая мышка. Друзей здесь её никто не видел, как и возможных поклонников. Фингел узнал только о сколоте зубе женщины, который не рассмотрел на месте преступления. Личная отметина, как, например, родинка, и она могла не рассказать ничего нового о жертве, а могла рассказать очень многое.

На улицах ветер разгонялся со страшной силой. Сентябрь ещё крепко трепал листья деревьев. К тому же начался дождь.

Полицейский-детектив вышагивал в плаще, строгом костюме, шляпе и кожаных перчатках. По пути ему встрети-лась ювелирная лавка «Жемчужина Адель», где он соби-рался побеседовать с персоналом на предмет опозна-ния кольца,

купленного именно в этом магазине и снятого с жертвы. Он хотел было заглянуть внутрь, но, дёрнув ручку, досадно поморщился: оказалось, уже закрыто. На пороге мокрый дубовый листик раздражающе приклеился к ботинку, но мужчина не стал наклоняться и снимать перчатки без важной причины и продолжал двигаться пешком в сторону дома. Машина сломалась, а воспользоваться другим транспортом не захотелось. Впрочем, он уже сильно об этом жалел.

На секунду оторвавшись от размышлений над делом, Фингел вспомнил, что жена заказала самый что ни на есть художественный портрет их кошки. Портрет уже сегодня должен был висеть в гостиной, и им непременно следовало восхититься. Фингел пожал на ходу плечами и закатил глаза. Кошка ему очень даже нравилась, хотя в последнее время он её не замечал, как и жену. Идею с портретом детектив считал для себя непонятной, хотя спорить с женой не стал.

Уже у моста Фингел столкнулся с длинноволосым бездомным бродягой, закутанным в грязный вонючий плед, из-под которого при взмахе руки выскочил костяной амулет, висевший на шее. Он протявкнул на Моро, как плешистый пёс, и исчез в темноте.

Добравшись до дома в сумерках, окончательно замёрзший детектив потянул зубами кожаные перчатки и, стянув их, сбросил с ботинка грязный лист. Детектив нырнул в тёплый дом с растопленным камином, не веря своему счастью. Собираясь утром забрать из автомобильной мастерской свой

Ace Bristol, алюминиевого цвета, в котором души не чаял, он снял запотевшие очки в разводах и утомлённо вздохнул.

На следующий день Фингел, серьёзно обросший за последние месяцы, сидел в своём кабинете за мокрыми от непрекращающегося дождя окнами. Мужчина почесал спинку широкого носа, внутри забитого волосами: в последнее время он никак не мог найти маленькие ножницы, что обычно лежали под рукой в ванной комнате (видимо, жена, или, как он ласково иногда называл её до сих пор на семейных торжествах, «возлюбленная», переложила их на новое место). Детектив открыл папку, уставившись на нелюбимые фотоснимки и многочисленные буквы. В бюро сотрудники из разных отделов мелькали, перемещаясь из кабинета в кабинет, кто-то громко разговаривал по телефону, но Моро абстрагировался и ничего не замечал, обхватил голову руками. Силы иссякали...

Рассмотрев более пристально изуродованные тела, он и не заметил, как проглотил весь отчёт целиком, а потом стал перечитывать его снова и снова, пока совсем не стемнело. Пытаясь найти в бумагах что-то такое, чего он даже сам не знал, Фингел выключил лампу, снял очки и глубоко поморгал. Сухость в глазах раздражала его, как и советы врачей на предмет того, как от этого избавиться, потому что ниче-

го не помогало. Мужчина закрыл папку, обдумывая прочитанное, решил было взглянуть на само тело, но передумал. Он встал, расправив пиджак, и вытянулся. Обойдя просторный опустевший кабинет, остановился у места отсутствующего напарника и, уже почти в темноте, потерев жалюзи, вглядываясь в дальний свет фонарей. Тогда-то в его голове и возник первый важный вопрос. Мужчина вернулся к своему столу и снова сел за него, включил лампу и открыл уже вторую рядом лежащую папку, к которой специально не разрешал себе прикасаться раньше времени. В ней хранилась вся информация по другому убийству с идентичным почерком. Затем он начал листать обе папки одновременно, сверяя пальцами детали и делая в блокнот заметки. К раздражённым от сухости глазам прибавилась нарастающая головная боль.

...и снова оторванный клочок бумаги с текстом, набранным на печатной машинке, оставленный на столике, рядом с недорогим помолвочным кольцом: «1, 2, 3, 4, 5... мёртвым ведь нельзя рожать».

– Хм... и белый цветок... белый цветок... И ни единого отпечатка...

Моро перечитал эту надпись так много раз, что, казалось, эти строчки виделись ему уже везде, всплывая даже на шероховатых поверхностях и растекаясь, как предметы на картинах Сальвадора Дали.

Могевилль, улица Рваная Перчатка.

Моро вылез из починенного Ace Bristol, грубовато отодвинул рукой надоедливую журналистку, загораживающую ему проход, и вошёл в здание. Уставшая от ожидания промокшая девушка с ледяными руками и мокрыми волосами закричала на него, но Фингел лишь гаркнул в ответ, что запихнёт её в психушку Моргевилля.

Громкая вспышка фотоаппарата.

– Да, конечно, такое могло произойти только в Моргевилле...

К детективам подошёл криминалист:

– Наша жертва – белая молодая женщина. Волосы русые. Окровавленный труп лежит на кровати. Накрыта тонким одеялом, похожим на простыню. Одеяло насквозь пропитано кровью. Глаза закрыты. Точно мирно спит. Белые бескровные губы сомкнуты. В окровавленном теле вскрыта грудная клетка, изъято сердце. Вместо сердца зияет жуткая дыра, – мужчина демонстративно откинул простыню.

Все нахмурились. Аккуратно вырезанное сердце небрежно валялось на светлом ковре. Джейкоб указал пальцем направление:

– На зеркале чем-то багровым толстым слоем намазано слово «Нет». Вероятно, это застывшая кровь в разводах. Нужна экспертиза, но, думаю, кто-то намазал слово этим

самым сердцем или, точнее, кровью от... По-другому даже и не скажешь. Намазал... Стекающая жидкость, как вы видите, забрызгала трюмо.

Топот ботинок от тяжёлой поступи разнёсся под новые фотовспышки криминалистов с характерным скрипящим зажимом отползающего эха.

– Дверь не взломана. Значит, либо её открыли запасным ключом, либо это был кто-то из близкого окружения, от кого точно не ждёшь видимой угрозы, – подытожил Моро, обращаясь к напарнику Лэйну Хогарту. – Ну, или удачно инсценировали... чтобы мы так думали. В прихожей – связка ключей, несколько пар женской обуви на каблуках. Все вещи в квартире аккуратно разложены. На кухне достаточно чисто. Что с едой?

– Готовой нет, – Джейкоб обошёл детективов и похлопал створками шкафа, – кроме недоеденных морепродуктов. В холодильнике пустовато. В шкафу – несколько бутылок красного вина.

– Что-нибудь необычное, Джейкоб?

Джейкоб непонимающе уставился сквозь броню толстых очков Моро и смахнул со лба капельки пота: убийство и так было чрезвычайно жутким и ужасающим.

– Белая роза, – сказал Лэйн. – Белый отрезанный цветок лежит у зеркала на видном месте. И записка, как и в те разы...

Моро прикоснулся в перчатках к розе и понюхал её. Пахло

она сладко и казалась весьма свежей. На этом его познания о розах заканчивались.

– Как и в те разы... Кроме этого, всё очень обычно, если это можно считать обычным, – наконец ответил Джейкоб. – Следов взлома нет. Ничего не разбито. В ванной тоже нет ничего «необычного».

– Сколько зубных щёток, посмотрел? – спросил Моро уже напарника, который раньше приехал на место преступления.

– Две.

– Криминалисты работают уже несколько часов. Когда будет готов отчёт, мы сможем говорить о полной картине произошедшего более детально.

– И последнее... – медленно произнёс Моро, хотя его разум выворачивало наизнанку, и, помолчав немного, манерно спросил, демонстрируя свое превосходство. – Как я понимаю, следы длительного пребывания мужчины в квартире отсутствуют?

– При поверхностном осмотре – одни мужские ботинки, спрятанные в шкафу, и свитер, на окурках в пепельнице нет отпечатков женской помады. Уф, у меня уже руки вспотели в перчатках! – жалобно простонал Джейкоб, скорее сам себе, и снова вытер рукой пот со лба. – Соседка сказала, что наша жертва проживала одна. Или та никого не замечала. Но, думаю, тут точно кто-то оставался.

– Спасибо.

Светловолосый мужчина в очках посмотрел на сползаю-

щие за окном струи холодного дождя, преследующие его повсюду последние несколько дней, на расползающиеся за ними старинные кирпичные здания и швейную фабрику за углом. Подавив новый приступ подступающего кашля, он ещё несколько раз обошёл квартиру и постоял над жертвой, которую наконец забрали, запоминая каждую мелочь. Моро вновь бросил красноречивый взгляд на записку, зеркало и увядающую розу и сердце.

– 1, 2, 3, 4, 5... мёртвым ведь нельзя... – снова пронеслось в голове Моро. – Как-то слегка романтизированно.

Затем посмотрел из окна вниз. Надоедливая журналистка уже не крутилась у подъезда. Кружилась только какая-то птица. Моро почувствовал чьё-то незримое присутствие. Это было присутствие тёмного духа, хотя он в такое вообще не верил, но почувствовал. Мужчина осмотрелся: на него никто не обращал внимания. Он повернулся к окну и заметил, что птица уже улетела. Интересно, жертва ощущала приближение страшной опасности?

– Я слышала, местные с большой радостью передали тело нам, в главный морг, – женщина улыбнулась Моро, но тот не обратил на это внимания, потому что она сделала это очень быстро, на развороте.

Сорокатрёхлетний патологоанатом Кристи Бэйкер пребы-

вала в приподнятом настроении, несмотря на глубокий пятничный вечер, проведённый в молчаливой холодной компании, совершая вскрытие. Дома её никто не ждал. Даже животных она не держала. Когда-то у неё была собака – карликовый пинчер. Но собака сдохла от старости, поэтому, когда женщину пригласили на нынешнюю должность в другой город, она приняла приглашение не раздумывая.

Кристи перевела взгляд на тело, вдруг снова испытал мгновенный трепет.

– Как и предыдущая жертва, кажется, Рейчел? – притворно позабыв имя, произнесла Кристи.

– Да, Рейчел...

– Ноа Скотт была на раннем сроке беременности. Сердце вырезано очень точно, скальпелем.

– Она была жива, когда...

– Когда ей вырезали сердце?

– Нет. Как и в тот раз, причиной смерти стала смертельная доза барбитуратов. Точнее – нембутала.

– Такие лекарства ведь не продаются в аптечных ларьках? – прокряхтел в кашле Фингел.

– Нет. Нет, но, думаю, их можно найти, если сильно постараться.

– Ясно, спасибо.

– Как Лэйн? Давно его не видела, – пошутила Кристи, подмигнув Моро, намекая, что Хоггарт Лэйн уже избаловал её своим присутствием.

Но Моро сделал вид, что ничего не понял. Видимо, потому, что не видел Кристи и Лэйна как возможную пару, а значит, рассуждения на эту тему не имели смысла.

Фингел открыл глаза и странно разинул рот, потому что сухие губы слиплись. Темнота поглотила комнату. Взглянув на трезвонящий телефон, он осознал, что проснулся от звонка. Из трубки донеслось всего лишь два слова: «Новое убийство», но и их было вполне достаточно. У него не возникало вопросов, почему новость не подождала до утра. Возбуждённо откинув одеяло на жену, которая от звонка и резкого движения мужа даже не шелохнулась, детектив вскочил с постели и принялся одеваться.

«Оно случилось слишком скоро...» – Моро впопыхах почувствовал неладное...

Натягивая брюки, он впервые наткнулся глазами на портрет кошки. Мордочка Виллоу была выписана очень точно, ему даже понравилось. Засмотревшись, мужчина чуть не свалился на пол в одной штанине: на портрете Виллоу выглядела как застывшая фотография.

Жертва – Микки Гейт, 24 года, метиска.

Моргевиль, улица Малиновой Тени, 34.

Убита в квартире своего мужчины, пока тот был на службе.

Тело ещё не остыло.

Моро влетел в дом, стараясь не замечать вчерашнюю журналистку, но та всё равно его окликнула.

На этот раз тело женщины, найденное в том же квартале, лежало не в постели, а в кресле, но было тоже заботливо укрыто, уже пледом. Вероятно, посмертно переложена. Волосы чёрные, есть лишний вес, внешнее сходство по типу между жертвами не прослеживается, выглядит слишком молодо, даже как несовершеннолетняя. Не отмытый до конца от рвоты туалет предположительно говорил о том, что, как и другие убитые женщины, Микки была в положении. В квартире жертвы, в соседней комнате, на столе кто-то разложил множество эскизов. Каждая зарисовка или картина – на отдельном листе, готовые – в отдельной стопке. В основном природа: горы, поля, тщательно детализированные элементы – например, колосья, ягоды.

Фингел покинул комнату, где рассматривал эскизы и готовые рисунки, среди которых особенно врезалась в память яркая картина лесной ягоды – морошки, вернулся к жертве и стал всматриваться в зеркало с кровавой надписью «Нет» в ожидании траурного момента забора тела. Он всегда отмечал, что в этот самый момент жертвы навсегда покидают дом или, возможно, место, где часто проводили время.

Когда к Моро подошёл высокий сотрудник в форме и, вежливо представившись Джеймсом Бишопом, протянул для пожатия руку в перчатке, тот был слишком сосредоточен на своих мыслях и никого не замечал. Бишоп махнул рукой и удалился. В это время Фингел размышлял, смогла бы Микки написать портрет его кошки так же точно. Наверное, смогла бы. Эти глупые мысли возникали от усталости. Он был не из тех, кто позволял себе шутить над покойниками, в отличие от напарника Лэйна. Вот у кого чёрный юмор мог литься через край без остановки. Но только если Лэйн был в настроении, а в последнее время даже он всё больше молчал.

Штаб-квартира полицейского участка Моргевилля.

– В этот раз, как и в первый, уже найден мужчина, сделавший предложение последней жертве. Свадьба планировалась через несколько недель. Точно установлено, что у жертв были разные мужчины. При поверхностном поиске возможных связей все три жертвы не были знакомы друг с другом, двое этих мужчин – тоже. Работаем, – босс Фингела, мистер Артур, как его называли все вокруг, хлопнул в ладоши, и сотрудники разбрелись по углам, как упавшие крошки печенья.

Воодушевлённый, но сдержанный, Моро подошёл к доске и прикрепил к ней снимки нового убийства и важные фрагменты, выделенные крупным планом, начертил пару стрелок и отошёл на несколько ярдов назад, часто поморгав глазами.

«Зачем убивать беременных женщин? Почему именно их? 1, 2, 3, 4, 5... мёртвым ведь нельзя рожать... нельзя... рожать... мёртвым... Невесты... почему он не убивает беременных в браке? Или случайно забеременевших? Почему беременных женщин, планирующих создать семью? Почему обручённых? Или дело не в этом? И что это за роза? Бутон всегда достаточно раскрытый. Будь роза арбузом, можно было бы сказать: «Созревший...»

Хм... сердце... вырезано, именно сердце. Думай, клоун, думай!

Может, это не мужчина? Может, женщина, потерявшая ребёнка перед свадьбой? Нелогично. Хотя женщины часто бывают нелогичными. Зачем мстить этим женщинам? Потому что она не может забеременеть? Слишком запутанно. Где связь? Может, её ребёнка убил мужчина... перед свадьбой? И она хочет трансформировать свою боль?

Сердце вырезано очень искусно. Точно и профессионально. Человек имеет медицинское образование или обучен этому. И точно орудует медицинскими инструментами. Почему именно посмертно? Почему сердце? Почему роза белая?

А какая она должна быть? Красная или розовая? Может, нет разницы в цвете розы? Но она ведь снова белая!!! Может, она растёт у кого-то во дворе?» – шумно возмущился своею же мыслью Фингел и сел за стол, скрестив пальцы на волосах и закрыв глаза.

Мысли и слова выбивали из него воздух. Дышать становилось труднее.

«...Может, мужчина потерял любимую перед свадьбой? Но причём тут эти женщины? Опять никакой связи. И у всех девушек разные занятия: рабочая на заводе, художница, временно безработная...» – Моро посмотрел на изуродованные тела женщин и стукнул по столу кулаком так, что в дальнем углу другого кабинета вздрогнули двое.

Версии мелькали, но ему казалось, что ничего не приходило в голову.

Блюбервилль.

Задышавшись в нервном спазме, как при действии отравляющего яда, и держась за деревянную рукоятку кресла, слегка скрюченный мужчина в тёмных очках и шляпе говорил с кем-то по телефону. Но, похоже, изредка откликающийся в ответ оппонент, явно девушка, не реагировала бурно на приступ говорящего, точно это происходило достаточно часто или ей было всё равно.

– Я хочу... я хочу запустить механизм, – его голос, задышавшись, сорвался, и мужчина проглотил таблетку, которую запил водой, и начал стучать пальцами по рукоятке, продолжая. – Необходимо продумать все детали, все детали, чтобы люди последовали без... без... без страха и сомнений. И даже впоследствии имели бы поддержку друг от друга. Это как подж... поджечь длинный фитиль, который однажды приведёт к... к...

– Да, я согласна, – почти безучастно ответила девушка. – Вызвать Лору Шерези-Шико?

– Нет. Нет. Нет-Нет. Нет.

Положив трубку, мужчина приподнялся и опустился в кресло. Через минуту он уже полностью пришёл в себя и, бодро вскочив на ноги, посмотрел в арочное окно, занимающее почти всю стену и напоминающее по форме сердце. Где-то вдалеке ночь освещала, переливаясь мерцающими огнями, башня-маяк. А днём в одном из домов напротив открывал свои двери спортивный клуб, и красивые молодые люди и девушки приходили сюда кататься на роликовых коньках. Где-то неподалёку располагался и боксёрский клуб.

Мужчина закурил и снял головной убор, оголив на голове значительные старые ожоги, лишённые волос.

«Сердце создано не для романтики. Сердце создано для жизни. И я останавливаю уже мёртвые сердца и их мимолётные надежды на продолжение никчёмного существования», – произнёс он вслух.

Побродив у окна, мужчина, названный девушкой Этьеном, зашёл на кухню и, схватив нож за клинок, метнул его в висящую мишень. Нож врезался точно в сердцевину.

«Нет», – снова повторил сам себе Этьен.

ГЛАВА 3. НЕСПОСОБНЫЕ ЛЮБИТЬ

Ведущая Шарлотта Прайс поправила пышную причёску и ворот платья, вспоминая вчерашний резонанс по громкому делу о маньяке, который в Моргевилле вырезает сердца у беременных женщин. Новостные издания, радио и даже телевидение теперь перемалывали эту новость из каждого утюга в разных городах, хотя полицейское расследование велось предельно аккуратно. И бюро, сделав лишь одно официальное заявление, пока не спешило делиться никакими подробностями. Возможно, первоисточником утечки стал кто-то с завода, который посетил Моро, а точнее – сам инженер Гарри, пусть и не по злему умыслу.

Увидев команду оператора, ведущая откинула тревожные мысли и обратилась к заросшему, как неандерталец, мужчине:

– Профессор, разъясните, пожалуйста, что именно происходит с жертвами психического и физического насилия.

– Всё зависит от самой жертвы, категории насильственных действий и степени причинённого вреда. В мире совершается очень много насилия, и официальная статистика не да-

ёт реальную картину происходящего. Самая распространённая – это пандемическая категория. Ещё есть острая и экстраординарная. Острая, как правило, имеет эпизодический характер, а экстраординарная – чрезвычайно редкий. Насилие над человеком может произойти в любом возрасте, – док поправил очки и, задумчиво почесав широкую бровь, продолжил: – Это могут быть различные травматические стрессовые реакции или расстройства, низкая самооценка, подозрительность и недоверие, которые иногда «проносят» на протяжении всей жизни. Пострашнее – затяжные депрессии и признаки суицидального поведения, потеря интереса к жизни, к школе, если это произошло в детском возрасте, или в целом к развитию или серьёзному поражению нервной системы.

Увлечённый профессор помолчал немного и продолжил (ему нравилось быть в центре внимания, особенно под камерами):

– А также проблемы другого плана, – профессор осёкся, вглядываясь в лица окружающих. – Не думаю, что могу их открыто озвучивать.

– Спасибо, профессор Юханссон, – важно поблагодарила Шарлотта Прайс, очень точно уловив опасения профессора.

Оператор, вечно называющий блондинку Шарлотту «куколкой», подал ей новый знак.

– Невозможно всегда очень точно оценить степень проблемы, даже работая со взрослыми пациентами. На это влия-

яет не только установленная степень доверия при «раскрытии» пациента, но и степень осознания жертвой последствий травмы или насилия. Особенно если жертва привыкла подавлять свои эмоции.

Договорив последнюю фразу, добродушная борода улыбнулась, и милые глазки пару раз блеснули под светом софитов:

– А я напоминаю: сегодня в гостях нашей студии – психиатр, доктор наук, профессор Уильям Юханссон.

Раздались ненастоящие аплодисменты.

– Профессор Уильям, а что вы думаете по поводу произошедших убийств? Могли бы вы предположить портрет возможного убийцы?

– Я могу предположить всё, что угодно. Но, думаю, у меня недостаточно информации для составления профиля убийцы. Однако в чём я точно уверен, так это в том, что убийца – глубоко травмированный человек.

– Полагаете, он тоже пережил насилие?

– Определённо. Думаю, этот человек заявляет нам, что убитые им женщины не способны любить, раз им вырезали сердца (если то, что я слышал, – правда). Мне кажется, именно на это стоит обратить внимание. Не способны любить и не способны позаботиться о будущем ребёнка должным образом.

Уплетая завтрак, Моро беспорядочно переключал телеканалы и, услышав вопрос телеведущей к профессору, словно

остекленел. Быстро мелькающие картины, на которых бежали по полю парни с бейсбольным мечом, сменило бородатое «чудовище», говорящее о «его маньяке», и Фингел приклеился к квадратному ящику.

«Не способны любить...» – пробубнил детектив себе под нос набитым ртом.

Оцепенение длилось несколько секунд. Придя в себя, Моро поянулся к телефону.

– Ты тоже это видишь?

– Да.

– Мне срочно нужен в участке этот профессор. Я еду.

Из гостиной, где детектив только что положил трубку, раздался звонок.

– Новое убийство, – услышал в трубке очередную страшную новость Фингел и едва не подавился новой вафлей.

Неожиданно кошка пикировала со шкафа на плечо Моро. Он сбросил её от неожиданности на пол и поморгал глазами, положив недоеденную вафлю на стол.

– 3, 2, 1... Глубокий вдох и выдох. Вдох и медленный выдох. Расскажи мне, что ты видишь.

– Я бегу.

Пульс Ноа резко участился, точно её бросили в море. Она вцепилась пальцами в кожаное кресло. На лбу мгновенно по-

явились испарины.

– Где ты бежишь?

– Узкий проход. Я поворачиваю налево. Стенки из бетонных блоков. Я в лабиринте.

– Почему тебе страшно? Ты боишься, что не выберешься?

– Нет. Я слышу её голос. «Она» где-то рядом. Мне страшно. «Она» найдёт меня...

– Кто «она»? Кого ты имеешь в виду, Ноа?

– Женщина, которая родила меня. «Она», «она»... чудовище!

– Она тоже бежит или её голос недвижим?

– Я не знаю, мне страшно! Я ненавижу её голос!

Девушка начала сильно дрожать, и доктор медленно вывел её из гипноза. Постепенно приходя в себя, она начала успокаиваться, но, взглянув в глаза мужчине, который сидел в костюме с бабочкой и рассматривал её, как через пенсне, сквозь хитрый, но деликатный прищур, снова разволновалась.

– Я вспомнила ещё кое-что...

– Расскажешь? Или устала? – спросил психолог, стараясь не показывать, что его распирает любопытство.

– Мы играли с подругой у соседнего дома, где заброшенная свалка. Там кружились голодные чайки и вечно тявкали дворовые собаки... Ещё к ним ночами привязывали консервные банки, и по улице всю ночь до утра разносился глухое, раздражающее слух звяканье.

Долгая пауза.

– Продолжай, не бойся.

Мужчина в шляпе через золотой полумрак всматривался в лицо напуганной девушки, которая явно готова была заплакать ещё до сеанса. Сейчас она снова вводила от него взгляд, сжимая платок с вышитой буквой «Н».

– Я знала, что «она» разозлится... я знала, – девушка смахнула слёзы, рассказывая историю уже явно кому-то невидимому, точно ещё находилась под гипнозом, затем запрокинула глаза к потолку и стала рассматривать сверкающую люстру, думая, что слёзы затекут обратно в глаза. – Я знала. Но «она» собиралась вернуться гораздо позже. Поэтому я взяла «её» тюбик помады и нанесла состав пальцем на губы.

Девушка прикоснулась к губам пальцами и размазала невидимую помаду:

– Вот так. На моих губах она почему-то казалась малиновой. Если бы я знала, что случится потом, я бы никогда не взяла «её», потому что мне вообще противны «её» вещи. Но почему-то тогда об этом не подумала, – девушка округлила глаза и расправила длинное скромное платье.

– Сколько тебе было?

– Одиннадцать или двенадцать. Мы перебежали с подругой на соседнюю улицу и остановились у лестницы одного дома, ведущей на крышу. И вдруг подруга увидела «её». Что-то пошло не так, и «она» вернулась из церкви на несколько

часов раньше.

Ноа провела по нему взглядом.

— Ты испугалась?

— Да. В моей голове сразу зазвонили колокола, эти дурацкие церковные колокола, которые я ненавидела. Я не хотела, чтобы «она» видела меня накрашенной. Я... я просто хотела почувствовать себя другой, я хотела быть ярче, я хотела, чтобы мне наконец стало весело. Я начала стирать руками помаду, но растёрла её по лицу, как варенье.

— Ты боялась, что она ударит тебя? Что она с тобой сделала?

— Приблизившись, она схватила меня за шиворот и потащила на глазах подружки Абелии и прохожих, как котёнка, которого собираются топить. «Она» разразилась громом и походила на грозу, которая выпускает стрелы. Зайдя в дом, она в ярости вlepила мне сильную пощёчину, задев острым перстнем с янтарём. Соседка Мэри, дама в возрасте, видела всё, что происходило. Странно, мне казалось, она никогда меня не замечала, а тут возмутилась и позволила себе сделать «ей» замечание. Женщина не в силах была смотреть, как я захлёбываюсь в слезах. Но «та» лишь зло посмотрела на неё: мол, не лезь не в свои дела. Ярко накрашенная малиновая губа лопнула, заструилась кровь. Я увидела себя в разбитом стекле входной зелёной двери. Все яркие цвета смешались перед глазами. С тех пор красные оттенки я вижу малиновыми.

– Это в тот день ты сломала зуб?

«видела меня накрашенной. Я...

Ноа кивнула...

– Дома, конечно, «она» наказала меня ещё сильнее... Я попыталась закрыться в своей комнате, куда «она» часто заходила без стука. Ничего не получилось. Она назвала меня «испорченной дрянью», кричала на меня, устроила истерику. Мне сложно описать, что я почувствовала тогда. Потому что за все эти годы я привыкла чувствовать себя определённым образом.

Девушка по-прежнему сидела в кресле, крепко вцепившись в него пальцами, и продолжала:

– Каждый раз, когда «она» взвизгивала, как свинья, закипая на ровном месте, мне хотелось ударить её, чтобы она замолчала навсегда. Но была только «она». Меня. Иногда я защищалась, но не наносила удары. Бывало, «она» била меня по голове, вырывая волосы за плохую успеваемость в школе, и швыряла в меня разные предметы. В ярости «она» становилась безумной и не могла остановиться. А потом каждый раз заставляла меня думать, что именно я виновата в её агрессии. Самое ужасное, что я даже верила в это. «Она» манипулировала мной на протяжении многих лет. Конечно, тогда я не знала, что это такое. И ещё... «Она» всё запрещала мне и всё решала за меня. Даже когда я чего-то не хотела. Каждый день я испытывала с ее стороны психологическое давление и чувствовала себя просто ужасно, – девушка замолчала,

установившись в пол.

– Продолжай...

Голос Ноа стал значительно тише и с каждым новым словом всё больше походил на шёпот:

– Прошло много лет, прежде чем я осознала, что мне сложно самой принимать решения... Вслед за «ней» мною начали управлять и манипулировать мужчины. И даже девушки, с которыми я пыталась подружиться. Я подстраивалась под всех, под все обстоятельства, потому что не хотела никого выводить из себя. Я совсем не знала, как поступать в той или иной ситуации.

– Ты хотела, чтобы было тихо?

– Да, именно. Я хотела, чтобы было тихо.

– Ты продолжала придерживаться той модели поведения, когда передавала себя и свои решения во власть других людей?

– Да.

– Ты никогда не задумывалась, что дело не в том, что ты не хочешь расстроить людей своими ответами или решениями? Может, тебе это нравится? Или даже приносит удовольствие? Ничего не решать и быть удобной для тех, кто любит управлять.

– А есть те, которым это нравится? – неожиданно резко спросила Ноа Скотт, никогда не размышляя об этом.

– Конечно, есть. Возможно, тебе тоже нравилось в какой-то степени. Ведь не исключено, что это удобно – быть

удобной?

Девушка с ненавистью посмотрела на мужчину. Внутри у неё что-то переключилось, как по щелчку. Она точно вылезла из шкуры ягнёнка, натянув шкуру волчицы, заёрзала на месте и... вспыхнула.

Поймав неожиданную вспышку гнева у пациента, доктор приподнял брови, но не напрягся, оставаясь спокойным, точно её реакция была предсказуема или он не раз с таким сталкивался. Перемена в её поведении казалась слишком разительной: девушка была готова убить в тот момент... Он специально спровоцировал пациентку, и та продолжала скатываться в метафизическую бездну.

Джейкоб помахал Фингелу рукой.

– Новая жертва – Амелия Дуглас. 19 лет. Убита в доме бабушки, с которой жила. Кольцо и записка тоже обнаружены. Пожилая женщина сейчас, правда, не в себе. Она не просто плачет, а припадочно рыдает. Сквозь неистовые рыдания она твёрдо заявляет, что внучка не беременна. И уж точно не состояла в серьёзных отношениях.

– Сердце жертвы отброшено на пол. На зеркале, как видишь, кровавая надпись «Нет» и снова белая гигантская роза.

– Нужно изучить сам цветок. Скорее всего, это не просто

белая роза. Нужно больше узнать о сорте розы и где, чёрт возьми, они вообще продаются. Если это символизм, нужно углубиться ещё и в историю.

К Моро подошёл напарник Лэйн Хоггарт. Он записал всё, что сказал Фингел, в маленький блокнот, потому как имел такую привычку – записывать всё подряд, особенно за Моро.

– Только что поступила информация о женихе Ноа Скотт, – доложил Грэхэм Кроссман.

– Говори.

– Но тебе это не понравится. Ох, не понравится... Жених изменял Ноа не только с женщинами, но и с мужчинами. Хотя дважды состоял в браке.

Лэйн удивлённо сдвинул брови и брезгливо скривил рот. Моро и Хоггарт отошли от толпы подальше.

– Всё интереснее и интереснее. Пожилая женщина безутешно рыдает, и на сегодня беседу с ней придётся свернуть. Она убита горем, но в минуты просветлений несёт какую-то несвязанную припадочную ересь. Я договорюсь о встрече на завтра.

На прощание Моро бросил взгляд на юное тело. Под одеялом оно выглядело ужасающе. Господи, кому могла помешать милая девочка? Что это за монстр? Страшно смотреть. Она выглядела почти как ребёнок. Бледная, густые волосы распущены, похожа на призрак русалки. Фред поморгал много раз: опять уставшие глаза пересохли. Почему все жертвы абсолютно обнажённые? Их хотели пристыдить?

Или это возбуждает преступника?

Ночью Амелия приснилась ему как утопленница. Бело-снежное обнажённое тело девушки тонуло. Сначала он увидел её спиной: длинные волосы струились вверх к яркому свету, оголяя её худые лопатки и бёдра. Затем она развернулась винтом и резко распахнула синие глаза. На месте сердца зияла пугающая дыра, вокруг мелькали пузырьки и маленькие рыбки, некоторые из которых успели юркнуть туда, где раньше билось сердце. Амелия продолжала медленно опускаться на морское дно. Моро, вздрогнув от кошмара, задел Джейн по лицу пальцами, но не проснулся.

На этот раз проснулась его жена, Джейн, и вышла на кухню закурить сигарету. Муж ничего не рассказывал ей о расследовании. Но из новостей она знала, что маньяк действует быстро и убийства не прекращаются.

Амелия продолжала сниться детективу: приоткрыв рот, «утопленница» выпустила несколько пузырьков и что-то произнесла, но он никак не мог различить сказанных слов и заметался по подушке. Настоящий кошмар. Мужчина горел, его колотила дрожь. Он пытался прочесть по губам слова девушки, но та вдруг растворилась в воде, точно состояла из сахара, и он наконец проснулся. К жизни детектива вернуло утро.

– Моро, взгляни: Жозефина на прощание срывает розу и дарит Александру I со словами: «Возьмите на память о Мальмезоне». И вот ещё: Александр I долгие годы хранил воспоминания о розе и прощальных словах императрицы. А после того как в 1825 году трон от Александра I перешёл к младшему брату Николаю Павловичу, принцесса Шарлотта Прусская, жена Николая I, упоминала среди любимых цветов и белую розу. Ещё будучи принцессой, она получала от Николая букеты из атласно-белых роз (aud Malmeison). А в юности Шарлотту называли «белым цветком» – Бланшефлёр.

– Бланшефлёр... – повторил задумчиво сонный Фингел. – Откуда это?

– Это имя героини средневекового романа «Floire et Blancheflor» («Флуар и Бланшефлор») ... Бла-бла-бла... Тут дальше ещё идёт упоминание о празднике Белой Розы – Fest der Weißen Rose. Иногда праздник называли «Волшебство Белой Розы» – Der Zauber der weißen Rose, – с диким акцентом прочитал Лэйн. – Он изображён на картинах художника Адольфа фон Менцеля и упоминается в других...

– А о чём именно идёт речь в романе «Флуар и Бланшефлор»? – мистера Фингела явно заинтересовало услышанное.

– Не так быстро. Надо же изучить, – Лэйн Хоггарт почесал затылок (будь там рой вшей, они бы точно отскочили, а нужно было просто сменить шампунь) и продолжил, про-

читав почти идеально. — А вот здесь уже есть информация об опровержении названия любимого сорта розы Шарлотты *Souvenir de la Malmeison*. Якобы этот сорт был выведен лишь в 1843 году.

потому что *er weißen Rose»ике»*

— Дай посмотреть... — Фингел забрал у Лэйна распечатанные листки бумаги и поморгал часто глазами уже по привычке, чтобы сконцентрироваться.

Всё происходящее казалось ему чьей-то большой фантазией, аномалией. В этот момент вошла судмедэксперт, и лицо Лэйна расплылось в трогательной улыбке. Он небрежно подкинул подруге шоколадную конфетку в золотистой обёртке, и та на лету поймала её рукой.

После беседы с Уильямом Юханссоном что-то стало проясняться, но всё равно отчасти, как вкус супа со съедобными, но редкими ингредиентами.

Профессор был уверен, что у маньяка своя устойчивая философия, он безжалостен, непоколебим и не собирается останавливаться. В каком-то смысле он незаметен или легко перевоплощается. Поэтому искать определённый образ пока бесполезно.

Уильям ещё раз подчеркнул, что сам маньяк определённо

точно являлся или даже продолжает являться жертвой. И, скорее всего, он очень долго продумывал план, у него даже могут быть союзники или он ищет их.

«Не хватало ещё, чтобы у этого монстра появились союзники», – подумал Фингел и содрогнулся.

– Не забывайте, что этот человек может вести обычный образ жизни или даже жить в браке... но это точно организованный убийца! – профессор подвигал бровями и потрогал себя пальцами по щетине. – Жёны многих маньяков до последнего не могли поверить в виновность своих мужей.

Лэйн и Моро сидели напротив профессора. Лэйн поднял папку, открыл её, обнажив ужасающие фотоснимки, и передал мистеру Юханссону.

– Вы уверены, что наш маньяк не женщина? – весьма неожиданно спросил Лэйн.

Фингел изменился в лице и уставился на напарника. Моро попросили выйти, и он вышел, предчувствуя недоброе...

– Новая жертва – модель Иви Летиция Престон. 31 год.

– Подожди, та самая Престон?

– Да. Женщина эксцентричного актёра Роберта Клиффорда.

– Теперь дело примет широкий резонанс.

– Не то слово. В ретроспективе череда ужасных трагических событий происходила и в других городах, и о таком невозможно забыть даже спустя время.

ГЛАВА 4. НАДЛОМ

За сверкающими очертаниями ледяной горы, похожей на пирамиду, нарисовался силуэт девушки. Резкий ветер подул ей в спину, и чёрные волосы, точно их подожгли спичкой, взлетели вверх и заметались в разные стороны. Моника закрыла глаза, продолжая идти. Ледяная дорога обескураживала пустотой, но она видела в ней неподражаемую красоту. На пути ей не встретилось ни единого препятствия, поэтому она могла бы долго переставлять ноги с закрытыми глазами даже в обратную сторону, защищая глаза от ветра. Красными замершими руками она сжимала воротник пальто и прикрывала голову. Непослушные волосы немного уgomонились.

Единственное, о чём она мечтала, собираясь в это ледяное царство, так это оторваться от существующей реальности, убежать, чтобы ощутить себя свободной, но в окружении ледяных гор и скал ей стало, как никогда, больно, страшно и невыносимо жалко себя. И этот внутренний голос в голове, её голос, транслирующий поток бесконечных мыслей, ни на секунду не затыкался. Она хотела беспечной тишины, но была слишком заиклена, чтобы услышать её. Ей хотелось разбить голову о камень или о безмолвную скалу холодных пейзажей, чтобы этот мучивший внутренний голос на-

всегда замолчал или чтобы ужасные мысли вылетели из головы вместе с пронизывающим насквозь ветром и устремились в белое небо.

Девчонку обдало жаром, белоснежные виды стали грязными, она слишком замёрзла, и щёки пылали лихорадочным румянцем, как и обмякшие руки. Нужно было спешить. Через несколько минут уже начало казаться, что немеют даже кости, а «самоподнимающиеся» подошвы вообще отсутствуют.

Моника не переставая думала о матери, которая вышла из тюрьмы и продолжила издеваться над ней. Она вспоминала её вовсе не добрым словом. По её спине щемяще проползли все ноты боли до пятой кричащей октавы, и она надломилась.

Красивая девушка склонилась к ещё живому телу с любопытным отвращением, разглядывая в испуганных глазах жертвы своё крошечное призрачное отражение, искажающееся, как в калейдоскопе, с каждой секундой по-новому.

Взгляд жертвы медленно стекленел, дыхание замедлялось. Бланшефлёр принялась раздевать Ноа, внимательно разглядывая каждый дюйм её тела и снова укладывая в постель. Всё это действие заняло у неё чуть ли не полчаса. Она явно наслаждалась безвольностью обмякшего тела и своей

властью над ним. В этом ритуале было даже что-то особенное для Бланшефлёр, непостижимая тайна. Ей нравилось разделять этих женщин.

Голова Ноа коснулась подушки и зафиксировалась в горизонтальном положении, как и тело. Из левого уголка глаза лежащей девушки вытекла слеза. Правый спрятался под тень от руки Бланшефлёр. Бланш достала скальпель и провела рукой по обнажённой белоснежной коже, видимо, не встретившей ни единого солнечного лучика в летний сезон. Задержав руку в самом низу, где уже неслышно замедлялось сердцебиение крошечного существа, ещё несформированного плода, привязанного к умирающей матери...

Тени обвивали комнату всё сильнее, и лежащая девушка, касаясь серого цвета, казалась уже усопшей, с открытыми глазами, как пластмассовая кукла.

– Ничего, всё хорошо, – произнесла играючи Бланш. – Теперь никто из вас больше не будет страдать. Ведь ты же знаешь, внутри ты такая же больная, как и твоя мамочка. И твой неродившийся ребёнок или его несостоявшееся продолжение не причинит никому вреда. Никто из вас не причинит никому вред. Ни ты, ни «оно»...

Бланшефлёр погладила почти плоский живот скальпелем.
– Слышишь? Ты не причинишь, мышь серая... – уже с лёгкими нотками наигранной агрессии добавила сидящая на постели девушка с короткими волосами, по-прежнему сжимая в руках блестящий скальпель. Она вспомнила, как

несколько раз с Этьеном подглядывала за Ноа, как та поглаживала свой живот очень характерными для беременных движениями.

Ноа лежала неподвижно. Уложенные руки мирно прикасались к бёдрам, ровно, вдоль тела. Она выглядела, как ни странно, вполне уже умиротворённо, больше уже не пытаясь пошевелиться, без сил. Зрачки замерли, успев выразить историю своей длинной мысли и взаимосвязи со своим миром. Будто её страдания «разрешились», её сомнения завершились, и она искренне приняла радость от того, что всё это наконец произошло, и произошло по воле кого-то другого, точно она слишком давно этого хотела, но ей некого было попросить сотворить это с ней. В один момент, правда, ей стало казаться, будто судьба повернулась к ней лицом, и она задумалась, что зря так долго беспечно думала о своей жизни, существуя, а не живя, с застывшими глазами, как те роботы, над которыми она тоже трудилась.

Потом она почувствовала внутри себя другую жизнь и испугалась. Ведь она этого не планировала. Сначала нерешительно обрадовалась, а затем страхи, что с ребёнком что-то пойдёт не так, жизнь пойдёт не так и даже что, может, ей отнюдь это и не надо, смяли её. Эти мысли стали укрепляться, просачиваясь в нейроны и волокна нервной системы всё глубже и глубже, как клещи, которые уже сложно отцепить, потому что их хватка смертельна.

Все эти страхи и нервное напряжение возникли

не от всплеска гормонов, а потому что Ноа не успела пожить для себя и в ней накапливалась нескончаемая неудовлетворённость, ведь она хотела, чтобы полюбили её, именно её! Когда она наконец осталась одна, обречённая на жизнь... а тут... она бы вновь тратила энергию, все силы на «что-то неизвестное». А любил ли её новый мужчина, который охмурил красивыми глазами и сладкими речами? Она не была уверена. Он тоже выжимал её по полной программе, даже беременную, устраивал скандалы, но, зная, что её психика неустойчива, твёрдо понимал, что девушка никуда не денется и что очень она удобна. Поэтому он и сделал предложение, когда та забеременела. А Ноа вечно молчала, вечно всё держала в себе. И теперь, ускользая, слышала, как эта женщина назвала её мышью, и смиренно закрыла глаза... потому что она и прожила мышью всю жизнь.

Теперь всё именно так, как и должно быть, ведь её жизнь не представляет ценности даже для неё самой – значит, и её будущий ребёнок тоже. Она давно мертва, и эти мимолётные радостные всплески никогда не перекроют такую долгую убыточную черноту. Всё решено, и ей больше не нужно наигранно улыбаться и делать вид, что всё в порядке, потому что её давно нет в «мире живых». А сейчас просто время отрикошетило бумерангом, и её старое желание, возникшее в момент опустошения, исполнится... Ей даже было всё равно, кто эта девушка. Люди приходят в нашу жизнь как ответы. Эта девушка просто пришла и укрепила опасение в том,

что она не получит счастья в этом мире. Не все люди, приходящие в видимый мир, получают счастье, даже если очень мечтают об этом. Её сердце билось всё медленнее.

«Я серая мышь...» – проскочила последняя мысль, и Ноа, почувствовав обжигающую слезу, но не сумев даже моргнуть, перестала дышать, как и плод внутри неё – маленький неродившийся мышонок, и всё погрузилось в зону безмолвия и безмыслия.

Бланшефлёр сделала ещё один надрез, добралась до перикарда, освободила сердце от перерезанных артерий и вен, извлекла его рукой и сладко улыбнулась. Страдальческое сердце было изъято, и теперь девушка, неспособная любить, могла уснуть спокойно. Молодая женщина с голубыми волосами, в полумраке переливающимися оттенками цвета талой воды, сняла с пальца Ноа недорогое кольцо, легко прыгнув с постели, подошла к зеркалу, начертила горячим сердцем слово «Нет», затем сначала отбросила его на кровать, как что-то мерзкое или заразное, а потом – с кровати на полковик. Брызги крови от изъятого сердца и перчаток убийцы заполнили спальню, трюмо, ковры... Это было великолепно! Она вернулась к телу, завершив ритуал, и накрыла его простынёй.

Женщина вымыла перчатки от крови в ванной комнате и, не снимая их, покинула квартиру. На прощанье бережно положив на трюмо белую розу, как хотел Этьен. Пройдя несколько кварталов, она села в машину брата, и он взглянул

ей прямо в серые глаза.

– Вместе до конца! – сказал мужчина и положил руки на руль.

Перед машиной пробежала грязная лохматая кошка, бывавшая во всех лужах Моргевилля.

– Вместе до конца, Этьен!

– Ты зна-а-а-а... зна-аешь, что ценно? – спросил Этьен, хватаясь рукой за подлокотник и пытаясь избавиться от внезапного неконтролируемого приступа, которые участились в последнее время, после того как они решили воплотить свою идею в жизнь.

Мужчина открыл окно и сделал пару глубоких вдохов и выдохов. Он сожалел, что именно из-за таких приступов не мог находиться там вместо неё или вместе с ней...

Молчание...

– То, что м-м-мы сами пришли к этому...

Этьен рассмотрел еле заметную улыбку в уголках губ Бланшефлёр, явно наслаждавшейся убийством, и сам проникновенно улыбнулся на выдохе, как будто только что находился в той квартире, а он был, но ранее, сам ввёл препарат и сам вырезал сердце этой несчастной сучки. В его мыслях она и оставалась несчастной сучкой, а не девушкой. Он не оговорился, сказав «в мыслях». Пока он ждал в машине (а это ожидание уже утомляло), он точно почувствовал, когда именно умерла Ноа и когда умер её нерождённый ребёнок. По несчастливой случайности это был первый и послед-

ний день, когда его сердце самостоятельно запульсировало, и эта пульсация прервалась.

Этьен слышал и чувствовал беременных по запаху, обладая уникальным даром. И невозможно было объяснить словами, как именно это работало. Он почти никогда не ошибался. Эту способность он заметил ещё в детстве и до определённого момента не знал, для чего ему нужен такой странный дар. А потом понял, понял и применил. После смерти девушек он снова их обнюхивал, и тела меняли запах, как и их мёртвые плоды. Это происходило на месте преступления или когда он, проникая в морги, притворялся уборщиком...

Бланшефлёр не знала об этом, но он и не должен был рассказывать обо всём. Поэтому, когда она садилась к нему в машину с новостью о том, как совершила убийство, он уже знал, что этот труп будет ожидать его в морге. И он правда внушил себе, что они (жертвы) его ждут. Каждый раз его ожидают. В задачу Этьена входило не только глупое ожидание — он находил и выслеживал этих девушек, неоднократно проверяя все факты, решал много организационных моментов и отвечал за безопасность, манипулировал людьми для получения информации и разыгрывал ситуации. И каждый раз до совершения преступления тщательно проверял и помещения, и мужчин девушек и подгонял нужные ключи. Ему становилось хуже в последнее время, и он не мог убивать их сам, хотя раньше осуществил уже множество убийств, что-

бы защитить себя и свой бизнес. Но Этьен считал ухудшение самочувствия временным явлением.

Подул сильный ветер, и Моргевиль, подёргиваясь на нервном импульсе, погрузился в беспокойную дремоту.

ГЛАВА 5. ВЕЧЕР ХЭЛЛОУИНА

– Новая жертва – модель Иви Летиция Престон, 31 год. Со слов её представителя, тоже была беременна, предположительно на третьем месяце. От того самого актёра Роберта Клиффорда, – с такой новостью Фингел вошёл в застеклённый кабинет и закрыл за собой дверь. – ...но даже и это не самое ужасающее.

– Убийство произошло в другом городе? – уверенно спросил профессор.

– Нет, – удивился Фингел. – Это произошло в частном доме, окружённом охраной.

Проследив за мыслью профессора, Моро прикусил губу, нервно поморгал глазами, снял на некоторое время очки, и все резко переглянулись.

– Значит, убийца ещё в Моргевилле... Минуту, необходимо осведомить шерифа, чтобы расставили полицейских на выезде из города...

Профессор Юханссон задумался. Моро вцепился в него взглядом и пару раз кашлянул. Ещё некоторое время они растворялись в дикой тишине. Мысли мужчин стучались в закрытые черепа, пытаясь вырваться наружу. Но все молчали, как по приказу.

– Это только начало? – спросил Моро.

– Да, – голодный, но сосредоточенный Уильям снова взглянул на фотографии. – Чистая работа. Мёртвые беременные женщины – это, можно сказать, двойные убийства, большинство из девушек, как я понимаю, помолвлены, сердца, извлечённые с помощью скальпеля... свежесрезанный цветок, напечатанная записка «1, 2, 3, 4, 5... мёртвым ведь нельзя рожать». Что известно о психологическом портрете жертв?

– Пока не так много. Мы работаем над этим.

Лэйн очень медленно перевёл взгляд на Фингела, будто тоже что-то осмыслил.

– В психиатрической клинике никто не лечился официально. Если кто-то из них и обращался за психологической помощью, это происходило в частном порядке. Но мы уделим этому особое внимание. Спасибо, профессор Юханссон, за...

Тут Хоггарт вспомнил кое-что ещё:

– Эта модель... в прессу просачивалась информация, что её изнасиловали, кажется, в прошлом году.

Опять повисло молчание, которое уже напрягало профессора, и он встал. Тем более что он не любил думать о сложных вещах в присутствии кого-то.

– Дело совсем непростое. Я готов помогать, чем могу. Если вы сможете держать меня в курсе.

Профессор, страдавший диабетом, уже почти не сообра-

жал от головокружения и, приподнявшись со стула, пошатнулся. Нашупав в кармане брюк конфетку, он засунул её в рот. Шоколад приятно растаял во рту, и тот тяжело вздохнул, собираясь покинуть кабинет.

– Простите, что задержали вас так надолго, – извинился Хоггарт и улыбнулся на прощанье профессору вымученной улыбкой.

Бланшефлёр сидела на террасе, думая о последних убийствах. Девушка не чувствовала себя жестокой, она убивала и раньше, и очень много, к тому же «этих», как и Этьен, действительно считала уже мёртвыми. В силу психических особенностей ей было легче, чем Этьену. Она не испытывала ни к чему и ни к кому эмоциональной привязки, ни о чём не тревожилась, не понимала, что такое страх или печаль, и всегда была уверена в своих поступках.

Сейчас у них был план, и она действовала не по чьему-то приказу, а во благо нового мира, чтобы остановить распространение генов с испорченной психикой. Она, как и брат, полностью отдавала отчёт своим действиям и к чему они в итоге могут привести. Поэтому такие ярлыки, как «серийные маньяки», их вовсе не пугали. Напротив, они хотели обозначить свой «посыл» максимально чётко, чтобы и другие люди в скором времени могли присоединиться к ним,

понимая всю важность этой идеи. Но, по правде говоря, ей просто нужно было убивать. И Этьен предоставлял ей возможность удовлетворять свою потребность.

Однако пока даже психиатр не мог определить цель убийств и предположить вероятный портрет убийцы. А значит, они реализуют беспрепятственно ещё больше планов, и детективы потратят ещё больше времени, чтобы выявить какие-то связи и закономерности.

«Это должно было случиться рано или поздно. И если бы ОНИ не додумались до этого, то нужно было придумать их или тех, кто смог бы так точно изменить этот мир всего лишь...» – напишут о них чуть позже сумасшедшие люди, которые сделают их персонажами детского комикса. Но это случится потом.

Бланш подошла к белоснежным розам, растущим в теплице, и выпустила в один из цветков сигаретный дым. Эти розы посадила у дома когда-то бабка. Мать терпеть их не могла, но они удивительным образом продолжали расти из года в год. А Этьен увидел в них что-то особенное и создал для них новые условия, чтобы они не увядали как можно дольше не только у дома.

Сигаретный дым кружащей в бутоне розы напомнил ей молочную реку, у которой вечно кружил сильный туман, будто неразделимый с нею. У этой реки под названием Блайнд Бланш ребёнком проводила много времени, сбегая к ней вместе с братом от родителей. Ещё до того, как их начали

закрывать в погребке под железным замком. Она вспомнила брошенную лодку, привязанную к причалу. Из реки торчали длинные железные металлоконструкции, выброшенные «во-свояси», так и не ставшие новой частью железной дороги. Они воображались им настоящими монстрами с длинными изгибающимися щупальцами... Как-то однажды дети даже пытались утопить их длинными палками, но, скорее всего, их длина уходила под воду на десятки футов.

Та самая река до сих пор текла в Моргевилле... как и истоки рода Бланшефлёр и Этьена, которые берут начало именно в этом городе, хотя родились они в другом.

Поэтому они начали приводить в исполнение свой план, начав именно с Моргевилля, который покинули много-много лет назад.

За сентябрём в Моргевилль постучался октябрь...

Раскрашенные в сочные цвета деревья, залитые сильным дождём, посыпались листвой. Тёмные тучи, облепившие небо, заволокли свет, а накануне Хэллоуина и вовсе складывались в необычные знаки в виде черепов, как страшное предзнаменование, на которое никто не обращал внимания, кроме маленьких деток, тыкающих крошечными пальчиками вверх. Но мамочки были слишком заняты, чтобы уделить этому внимание. Они вообще ни на что не отвлека-

лись, хотя многих из них нельзя было назвать даже собранными.

Журналисты и пресса неустанно разнюхивали новые подробности по делу загадочного маньяка, вырезающего сердца у беременных женщин, следуя по пятам за детективами, которые часто разделялись для опросов, чтобы сэкономить время... время, которого у них совсем не было. Потому что они знали, что новая жертва появится совсем скоро.

После убийства невесты актёра, известной модели Иви, общественность всколыхнулась сильнее. Известные личности подогревали хаос в Моргевилле и соседних городах, так что страх породил суету. Да и многие молодые беременные женщины не находили себе места... в основном «нормальные», которые мечтали о детях и хотели жить.

Той ночью не могли уснуть не только детективы Моро и Лэйн, но и психиатр Уильям Юханссон...

Подкрадывалась долгожданная ночь Хэллоуина. Солнце померкло, то поднимался, то успокаивался огрызающийся, как дворовая собака, ветер. Но вечер упорно не сдавался царице тьмы ночи. Сквозь сумрачный туман на улицу выползли дети, точно призраки, укутанные в странные одеяния. Кто-то из детей даже замотался, как мумия, бумагой. Они рисовали страшный грим всем, что попало под руку: соком, мякотью обычных овощей, косметикой мам и сестёр...

Тем временем мистер Моро сидел в баре под названием «Бродяга», допивая очередной стакан чистого бренди, пы-

таясь отвлечься от своих мыслей. Он хотел напиться, чтобы освободить сознание от логических мыслей и с помощью бессознательного понять, что же он всё время упускает. Ему нравилось искать себе оправдание в бокале с бренди.

Праздник пришёл. Публичные пространства и большинство зданий уже были украшены, как и придомовые участки, традиционными жуткими атрибутами: призраками, надгробьями, паутиной, монстрами, пугающими ведьмами и, конечно же, злобными тыквами.

Придерживая старые «фонари джека», кучка малышни с разукрашенными лицами, а именно: Итан, Элис и Агата и совсем маленький Боби, брат Итана, – вырвавшись из-под родительской опеки, сопротивляясь нарастающему ветру, подходили к первой двери на тёмной соседней улице. Они собирались потребовать от хозяев угощение и, затеяв маленькую пакость, шаловливо посмеивались.

...Во дворе у дома Элингтонов ребятам встретился прыгающий по остывшей траве белый шустрый заяц. Подойдя вплотную к двери, они задрали головы, разглядывая высоко висящий фонарь из тыквы, яростно посмеивающийся огоньками пламени, освещавшими страшную кривую улыбку...

Не дождавшись стука в дверь, к ним вышел вместе с супругой Анной одетый с иголочки мистер Райан Эллингтон,

выглядевший как джентльмен. Из коридорного холла вылился наружу яркий свет и осветил блестящие глаза Анны и её жемчужное ожерелье, в полумраке изысканно и маняще переливавшееся холодными оттенками.

В ответ на известный вопрос «Сладость или гадость?» мистер Райан с улыбкой насыпал им в протёртую шляпу дюжину конфет. Ребята похихикали вслед закрывающейся двери и странному зайцу и поспешили в следующий дом, оставив подозрительный свёрток у двери, который несли очень осторожно, подушечками пальцев...

Следующим по списку значился дом вечно счастливых соседей по фамилии Боуман, которые махали всем подряд с дурацкой приторной улыбкой, как будто в действительности что-то скрывали. А за их домом стоял дом, где жила девушка Нэнси. Ветер смешался с синим туманом, и дети потеряли чёткую видимость, но продолжали идти... ведь такие приключения случались нечасто, а этот праздник они ждали с последнего дня благополучно почившего лета.

Шляпа, проделавшая долгий путь в руках Агаты, ждала новых угощений, и желудки ребятшек поскуливали, потому что, сбежав, дети невольно пожертвовали ужином...

Дом Нэнси, в отличие от многих других домов, совсем не был украшен к празднику. Не огороженный никакими заборами, он стоял на небольшой возвышенности, окружённой опавшей золотистой листвой. Подойдя ближе, Боби пропищал, что дверь приоткрыта, и замёрзшие дети, врезавшись

друг в друга паровозиком, остановились. Любопытство объ-
яло каждого изнутри, к тому же лютый ветер уже раздирал
по кусочкам их самодельные хлипкие костюмы и, приподни-
мая короткие и длинные волосы, задувал в уши, танцуя ле-
дяным танцем вокруг шей.

Детвора постучалась, затем более настойчиво поколоти-
ла в дверь, но никто не ответил. Тогда самый мелкий из ре-
бятни бесстрашно толкнул дверь – та открылась. Не разду-
мывая, Боби юркнул внутрь, желая хоть немного согреться.
Мальчишка прокрался в холл на цыпочках, отважно крикнув
тоненьким голоском: «Сладость или гадость?» – и остано-
вил взгляд на подпрыгивающих от сквозняка перьях на ви-
сящем ловце снов. В ответ в маленький нос через крошечные
ноздри ударил резкий тошнотворный запах. Его брат Итан
и остальные отодвинули мелкого на задний план и, закрыв
рукавами носы, проследовали в одну из комнат, откуда стру-
ился зловонный запах. Как скажет потом один из мальчиков,
тогда они подумали, что, пока хозяева отсутствовали или
просто-напросто вышли, в доме сдохло какое-то животное,
но, когда они прошли дальше, все разом побелели от страха.
А Агата от неожиданности и вовсе взвизгнула, напугав Боби
и всех остальных ещё сильнее, до колик в животе...

Лежавший на кровати труп девушки уже начал разлагать-
ся, вся кровать и стены были разукрашены запёкшейся кро-
вью, точно маньяк, совершивший преступление, был совсем
не в себе и неистово кружился с окровавленным сердцем,

валяющимся на кровати, и разбрызгивал кровь по стенам и полу. На тумбочке – ни кольца, ни розы, но покоилась, как и остывшее тело, очередная сумасшедшая записка с уже знакомой надписью и ещё какие-то вещи. Но для детей это всё не имело никакого значения.

Детвора даже не взглянула на зеркало, а в этой комнате оно висело с другой стороны. Самый старший из ребят, Элис, вывел всех из комнаты и, захлопнув дверь, схватился за голову. Нужно было непременно сообщить в полицию, и они, несмотря на страх, так и сделали.

Позвонив в полицию из гостиной, они бегом ринулись из дома маленькой стайкой и, не дожидаясь полицейских, напрямик помчались на свою улицу, где жили, потому что, помимо ужасающей картины, боялись ещё и гнева родителей. По дороге Агата рассыпала из шляпы почти все собранные конфеты, но детишкам уже не хотелось конфет. Они навсегда запомнили ужасающую картину и зловонный запах. И, несмотря на то что были маленькими, у них не возникло сомнений в том, что они видели настоящего мёртвого человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.